

Пролог

Какой-то приглушенный звук привлек внимание Патрисии.

– Кто бы это мог быть?

Ей показалось, что шум исходил из инвентарного помещения отдела рукописей, совсем рядом с его читальным залом. На богато отделанных полках этого крыла Апостольской библиотеки Ватикана молчаливо стояли книги, словно уснули в уютной тени, которой ночь накрыла их пыльные корешки. Наверное, это самая старинная библиотека Европы, а возможно, еще и самая красивая, но в эту ночную пору царила в ней такая мрачная, почти пугающая атмосфера, как будто где-то здесь затаилась неведомая угроза.

– Ах, *madre mia!* – прошептала она, вздрогнув от какого-то не поддающегося объяснению страха, вмиг охватившего ее. – Вот что значит ужасиков насмотреться!..

«Должно быть, служащий прошел», – подумала она и взглянула на часы: стрелки показывали почти половину двенадцатого ночи. Не совсем, скажем, нормальное время для работы в библиотеке, но Патрисия Эскалона давно уже стала личным другом монсьёра Луиджи Витэрбо, *prefetto*¹, которого она принимала в Сантьяго-де-Компостела во время паломничества 2010 года. Одолеваемый каким-то мистическим кризисом, монсьёр Витэрбо решил тогда пройти пешком Путь Святого Якова и благодаря их общему другу добрался до двери дома Патрисии, – красивой квартиры, очень кстати примостившейся на улочке аккурат за собором. И не прогадал, постучав к ней, так как хозяйка окружила Святого падре заботой и вниманием.

---

¹ *Prefetto* – зд. Главный смотритель (*итал.*).

И, разумеется, когда уже Патрисия прибыла в Рим, чтобы заняться рукописью, она нисколько не сомневалась, что ей ответят взаимностью. Так и случилось: господин Главный смотритель Апостольской библиотеки Ватикана не обманул ожиданий и, памятуя о разнообразных почестях, оказанных ему в Сантьяго-де-Компостела, распорядился открыть для своей галисийской приятельницы доступ в читальный зал отдела рукописей, дабы она могла спокойно делать свою работу.

Более того, *prefetto* велел принести ей для ознакомления непосредственно оригинал рукописи. «Карамба! Это уже слишком!» – пыталась она возражать, несколько смутившись. Достаточно было бы просто микрофильмов. Но нет, монсьёру Витэрбо хотелось ее побаловать. «Историк вашего уровня – настаивал он, – заслуживает только оригинала!»

И какого оригинала!

Гостя из Галисии¹ провела пальцами в перчатках по коричневым буквам, тщательно выписанным благочестивым копировальщиком, по пергаментным страницам, уже несколько постаревшим и усеянным своего рода пигментными пятнами. Листы архивариусы бережно упаковали в прозрачную пленку. Рукопись напоминала ей *Codex Marchalianus*² или *Codex Rossanensis*³. Вот только ценность ее была намного выше. Патрисия сделала глубокий вдох и почувствовала какой-то сладковатый запах. Ах, какая прелесть! Она обожала теплый аромат, источаемый древними манускриптами!.. Глаза с нескрываемой любовью ласкали эти маленькие, хорошо выстроенные буквы. Ни тебе украшений, ни даже заглавных букв – обыкновенные греческие строки без затей, литеры закругленные, слова безо всякой разбивки, как если бы каждая строчка являла собой некое бесконечное таинственное слово, своего рода сокровенный код, подсказанный Господом при рождении Времени.

---

¹ Галисия – автономный регион Испании севернее Португалии.

² *Codex Marchalianus* – Мархалиев кодекс – унциальный манускрипт VI века на греческом языке. (Здесь и далее – прим. пер.)

³ *Codex Rossanensis* – Россанский Кодекс – унциальный манускрипт VI века на греческом языке.

Пунктуация почти не просматривалась, мелькали кое-где пробелы, диакритические знаки и аббревиатуры *nomina sacra*¹, перевернутые кавычки для цитат из Ветхого Завета, наподобие того, что она прежде видела в *Codex Alexandrinus*². Однако лежавшая перед ней рукопись была самой ценной из всех, которые она когда-либо держала в руках. Впрочем, уже само заглавие внушало уважение: *Bibliorum Sacrorum Graecorum Codex Vaticanus B*.

Codex Vaticanus.

Она не могла в это поверить, но ведь работник Апостольской библиотеки Ватикана, следуя распоряжению *prefetto*, действительно положил на ее стол знаменитый *Codex Vaticanus*. Эта реликвия, датируемая серединой IV века, считается древнейшей из дошедших до наших времен рукописной Библией на греческом языке. Причем сохранившейся практически в полном виде, благодаря чему она была самым большим сокровищем библиотеки Ватикана. А теперь, вы только представьте себе, эта уникальнейшая вещь была доверена ей. Невероятно! Сможет ли кто-нибудь в родном университете в это поверить?

Крайне осторожно она перевернула страницу, как будто боялась повредить пергамент: защищенный, однако, прочным прозрачным пластиком, и мгновенно погрузилась в текст. Пробежала глазами первую главу Послания к Евреям; то, что она искала, должно было находиться в самом начале. Глаза скользили по строчкам, губы шептали, как мантру, греческие фразы, пока не встретилось искомое.

– Ах, вот оно! – воскликнула Патрисия. – «*Phanerón*».

Невозможное случилось. Ей уже доводилось слышать прежде об этом слове, но одно дело говорить о каком-то предмете за столиком факультетской столовой, и совершенно иное – видеть его буквально перед носом, сидя не где-нибудь, а в Апостольской библиотеке Ватикана, видеть эту вокабулу, тщательно выведенную неизвестным копировальщиком IV века, то есть примерно в то же

---

¹ *Nomina sacra* – особая система сокращенных написаний некоторых так называемых священных слов.

² *Codex Alexandrinus* – Александрийский кодекс – унциальный манускрипт V века на греческом языке.

самое время, когда Константин принял христианство и созвал Никейский собор, где наконец-то были одобрены базовые принципы христологической теологии. Патрисия была в экстазе. Ах, какая сенсация! Вы только представьте, что...

И снова шум.

Испуг моментально вернул ее к действительности, и Патрисия посмотрела направо, в сторону инвентарного зала отдела рукописей, откуда, как ей казалось, и долетел этот звук.

– Кто там? – спросила она дрожащим голосом.

Ответа не последовало. Зал выглядел абсолютно пустым, но кто его знает, что там скрывается в этом мраке. Неужто есть кто-то в Зале Льва? Большой салон библиотеки был вне поля ее зрения, и ей приходилось довольствоваться догадками. Сама мысль о том, чтобы пойти туда ночью и проверить, вызывала озноб.

– *Signore!* – произнесла она громко на своем итальянском с испанским колоритом, пытаясь докричаться до служки, которого специально выделил для нее Главный смотритель. – *Per favore, signore!*

А в ответ была тишина, абсолютная. Патрисия подумала было о том, что надо бы продолжить работу, пусть и в такой гнетущей обстановке, но эти неожиданные звуки-стуки и зловещая тишина несколько вывели ее из себя. Куда, черт возьми, подевался этот служитель? И кто же мог там шуметь? Если он, то почему не ответил ей?

– *Signore!*

И опять никакого ответа. Не в силах справиться с нахлынувшим беспокойством, исследовательница резко поднялась, как будто пыталась произведенным шумом отпугнуть собственный страх. Надо в этом деле разобраться! А потом еще добавила для самой себя, что больше она на ночь оставаться в библиотеке не будет. Эти потемки, эти тени таили, казалось, столько угроз. Вот если бы был рядом ее Маноло!..

Патрисия, полная решимости выяснить, где же ее временный помощник, сделала несколько шагов к двери и вошла в погруженное во тьму инвентарное помещение отдела рукописей, не сразу заметив белеющее под ногами пятно. Присмотревшись, поняла, что на полу лежит лист бумаги.

Несколько озадаченная, наклонилась и, не беря его в руки, стала изучать, как будто вынюхивая что-то.

«Что за чертовщина такая?» – спросила себя самое.

В это же мгновение какая-то тень вышла из мрака и набросилась на нее. Сердце забилось, готовое выскочить из груди. Патрисия хотела крикнуть от ужаса, но огромная сильная ручища прикрыла ей рот, и получился лишь приглушенный хрипловатый стон.

Сделала попытку вырваться, но незнакомец был тяжел и сковал ее движения намертво. Повернув голову, она хотела рассмотреть нападавшего, но успела лишь заметить, как что-то блеснуло совсем близко от глаз. В самый последний момент она поняла, что это клинок.

У нее не было ни мгновения на то, чтобы осознать происходившее, так как она тут же почувствовала резкую колющую боль в шее, и ей сразу стало трудно дышать. Пыталась крикнуть, но как, чем? – воздуха не было совсем. В отчаянии она смогла только схватить рукой холодный предмет, раздравший ей шею, но тщетно: силы были слишком неравны. Слабость тут же охватила все ее тело. Струйки какой-то теплой жидкости вдруг оросили грудь, и в предсмертном мороке она еще смогла понять, что это была ее кровь.

Больше ни о чем другом Патрисия подумать не успела, так как свет в сознании вдруг сменил мрак, как будто бы кто-то щелкнул выключателем, навсегда.

I

Кисточка очистила каменную поверхность от земли, заполнившей за столько веков даже мельчайшие поры, и, когда коричневатая пыль рассеялась, Томáš Норонья, прикинувшись близоруким, поднес камень к своим зеленым глазам, чтобы оценить сделанное.

– Вот зараза!

Прилипшая земля еще кое-где оставалась. Глубоко вздохнув, он протер лоб тыльной стороной ладони, прежде чем продолжить нудную чистку. Безусловно, такая работенка ему была не по вкусу, но что делать? – пришлось подчиниться: невозможно всегда заниматься только тем, что нравится.

И все же перед тем как продолжить работу, он подарил себе минутку отдыха. Покрутил головой, полюбовался лунным пятаком там, наверху, оценив красоту серебристого ореола над вершиной величественной колонны Траяна. Что ни говори, а ночь – самое лучшее время для такой работы в центре Рима; днем там царил настоящий хаос. Визгливые клаксоны машин и яростное рычание камнедробилок казались звуками ада.

Взглянул на часы. Уже был час ночи, но так хотелось по полной программе воспользоваться паузой, предоставленной наконец-то уснувшими римскими водителями, и сделать максимум возможного. Пожалуй, в самый раз будет уйти в шесть утра, когда машины снова начнут «давить асфальт» и возобновится дьявольский концерт клаксонов и камнедробилок. Вот тогда-то он и вернется к своей полупике в маленькой гостинице на виа дель Корсо¹.

В кармане брюк зазвонил мобильник, прогнав с лица выражение ученой сосредоточенности. Так поздно? Какого черта звонить в час ночи? Посмотрел на экран, чтобы узнать, кто же это, и сразу нажал зеленую кнопку.

– Что-то случилось?

Голос матери звучал по обыкновению жалобно и беспокойно.

– Сыночек, ну когда же ты придешь домой? Ведь уже так поздно!..

– Ну, мама, я же вам говорил, что я за границей, – принялся он объяснять, стараясь не терять терпения; уже в третий раз за последние сутки Томаш возвращался к этому разговору. – Но на следующей же неделе я вернусь, понятно? И сразу же к вам, в Коимбру, приеду!

– И где же ты, мальчик мой?

---

¹ Улица в центре Рима.

– В Риме, – не терпелось добавить, что он уже тысячу раз это говорил, но удалось подавить раздражение. – Успокойтесь же, как только я вернусь в Португалию, я поеду к вам.

– И что же ты там делаешь, в этом Риме?

Камни протираю, – хотелось ему сказать, и это было бы сущей правдой, – подумал он даже с некоторой обидой, взглянув на кисточку.

– Я в командировке от Гюльбенкяна¹, – буднично повторял Томаш. – Фонд сейчас занимается реставрацией руин Форума и рынка Траяна здесь, в Риме, а я слежу за ходом работ.

– И с каких же это пор ты стал археологом?

Надо же, хороший вопрос! Несмотря на болезнь Альцгеймера, которая иногда затуманивала ей сознание, сейчас мама попала в точку.

– Не стал. Просто в Форуме есть две большие библиотеки, а когда речь заходит о старинных книгах, то я, как вы знаете...

Разговор был коротким, и, едва он закончился, Томаш тотчас же почувствовал угрызения совести за то, что чуть не дал воли своему раздражению. Мама ведь совершенно не виновата, что болезнь лишает ее памяти, иногда ситуация становится лучше, иногда хуже – и сейчас была именно эта стадия: она могла хоть сто раз спрашивать об одном и том же. Эти провалы памяти изрядно нервировали, но ведь надо быть более терпеливым.

Он снова взял кисточку и принялся очищать камень, заметив вскоре, как поднимается пыль вокруг. Подумал, что у него легкие, должно быть, уже забиты этой злосчастной коричневой пылью, как у какого-нибудь шахтера. Не забыть бы в следующий раз прихватить маску хирурга. А еще лучше было бы увильнуть от этой работы и взяться за рельефные украшения колонны Траяна. Тут он поднял глаза к памятнику: сцены кампании в Дакии, знакомые ему

---

¹ Фонд Галуста Гюльбенкяна (1869–1955), богатейшего нефтепромышленника армянского происхождения, был им создан для поддержки научных, культурных, образовательных, художественных и гуманитарных начинаний, прежде всего в Армении и Португалии, в которой он прожил последние 13 лет своей жизни.

по книгам, были запечатлены на колонне и всегда вызывали любопытство. И ежели он здесь, почему бы не заняться ими вплотную?

Он услышал какие-то голоса позади себя и обернулся. Профессор Понтиверди, ответственный за реставрацию, громко разговаривал с мужчиной в галстук, сбиваясь на фальцет и бестолково жестикулируя. В конце концов, он велел тому успокоиться и подошел к Томашу, изобразив любезнейшую улыбку.

– *Professore* Норона...

– Норонья, – поправил его Томаш, удивляясь, что никому еще не удалось правильно произнести его фамилию. – Рекомендую вам смягчить «н», как в слове «баня».

– Ну, да! *Certo*! Норонья!

– Именно так!

– *Mi dispiace, professore*², но этот полицейский очень хочет поговорить с вами.

Томаш взглянул на человека в галстук, стоявшего метрах в десяти у двух полуразрушенных стен; его силуэт четко выделялся благодаря прожекторам, установленным для освещения Форума; он совсем не выглядел представителем власти, может быть, потому, что был без формы.

– Вот это – полицейский?

– Из уголовной полиции.

– Ко мне?

– Ох, это так неприятно. Я, конечно, пытался прогнать его, говорил, что сейчас не время беспокоить людей. Ведь уже час ночи! Но этот идиот настаивает на встрече с вами, и я уж и не знаю, что еще предпринять. Говорит, что дело чрезвычайной важности, срочное, что то да се, – он наклонился, заговорщицки сузив глаза. – *Professore*, если не хотите встречи, только скажите. Я позволю министру, если что! И даже Президенту! Ни у кого нет права вас беспокоить! – Он торжественно вознес руку к небу. – Траян подарил нам это замечательное творение, а вы помогаете вернуть его людям!

---

¹ *Certo* – Точно (итал.).

² *Mi dispiace, professore* – Вы уж простите, профессор (итал.).

Все эти полицейские делишки ничто по сравнению с такой благородной миссией! – Своим указательным пальцем он едва не задел нос Томаша. – Если надо будет, я и с Президентом поговорю!

Португальский историк выдал короткий смешок.

– Успокойтесь, профессор Понтиверди. Мне совсем нетрудно переговорить с полицейским. Что за проблема!

– Ну, смотрите, *professore!* Вам виднее! – и, сменив тон на грозно-оскорбительный, указал на человека в галстукe, – Знайте, нет проблем, я могу послать к черту этого дебила, этого *cretino*, это *stronzo*¹!

Полицейский в штатском, стоявший неподалеку, резко выпрямился.

– Это меня вы назвали дебилom? Меня?

Итальянский археолог повернулся к полицейскому, дрожа всем телом от праведного негодования и бешено жестикулируя, а его рука то и дело гневно тыкала в стража порядка.

– Именно Вас! Вас, бесноватый вы мой! Дебил! *Cretino!*

Увидев, что ситуация выходит из-под контроля, Томаш слегка придержал профессора Понтиверди.

– Успокойтесь! Спокойно, господа! – сказал он как можно более миролюбивым тоном. – Нет проблем, профессор. Я поговорю с ним – и дело с концом!

– Никто не имеет права называть меня дебилom, – продолжал возмущаться полицейский, красный от ярости, угрожающе потрясая кулаком. – Никто!

– Дебил!

– Успокойтесь!

– Дурак!

*Stupido*²

Понимая, что итальянского профессора уже не обуздать, а полицейский готов вот-вот сорваться, Томаш быстро двинулся в его сторону. Не обращая внимания на поток взаимных оскорблений,

---

¹ *Stronzo* – Дерьмо (итал.).

² *Stupido* – Дурак (итал.).

фонтанировавший, как из рога изобилия, он потащил господина в галстуке подальше от перепалки.

– Вы хотели поговорить со мной? – спросил он, увлекая полицейского за собой и пытаясь положить конец дискуссии. – Давайте пойдём отсюда.

Полицейский в штатском еще пулынул пару проклятий в сторону профессора Понтиверди, при этом оба рычали и кричали не щадя своих сил, но все-таки позволил увести себя отсюда.

– Ах, *porca miseria!*¹ – выпалил он, повернувшись к португальцу. – Что себе думает этот... этот *scemo?*² Где это видано? *Mamma mia!* Сплошной дурдом!

Как только они отошли на безопасное, по его мнению, расстояние, и дискуссия вряд ли могла вспыхнуть снова, Томаш остановился у улицы Бибэра́тика и обратился к визитеру.

– Итак, говорите. Чем могу быть полезен?

Полицейский глубоко вздохнул, восстанавливая дыхание после перепалки. Вытащив блокнот из кармана, он пробежал глазами какие-то записи, поправляя ворот пиджака.

– Вы профессор Томаш Норонья из Нового университета Лисабона?

– Да, это я.

Полицейский взглянул на деревянную лестницу, которая соединяла руины Форума Траяна с вышерасположенной улицей, и подал знак головой, что пора в путь.

– Мне приказано доставить вас в Ватикан.

II

Несусветная суматоха царила на площади Пия XII – прямо напротив площади Святого Петра и его величественной подсвеченной базилики. Обычно тихое в эту ночную пору место напротив Ватикана вдруг ожило с какой-то лихорадочной суетой. Площадь

---

¹ *Porca miseria* – легкое ругательство (итал.).

² *Scemo* – Олух (итал.).

Пия XII посетило несколько голубых машин полиции и одна скорая помощь, все с включенными синими мигалками на крышах, но при этом все вели себя тихо. Какие-то люди крутились муравьями вокруг, частично это были карабинеры, частично – те, что в белых халатах, – медперсонал.

– Что здесь происходит?

Полицейский в штатском проигнорировал вопрос, как и прочие, заданные ему чуть раньше во время короткой поездки по пустынным улицам Рима. Понятно, что перебранка с профессором Понтиверди среди руин Форума Траяна изрядно подпортила настроение, и ему совсем не хотелось просвещать своего спутника.

Фиат полиции прибавил газу на виа ди Порта Анджелика, чтобы вскоре оказаться, взвизгнув тормозами, у высоких стен Ватикана, аккуратно у Двери Ангелов. Полицейский открыл дверцу и издал нечто похожее на хрюканье, дав понять Томашу, чтобы следовал за ним. Гость Рима вылез из машины и не мог не остановить взгляд на подсвеченной громаде, возвышавшейся слева, – это был всемирно известный величественный свод базилики Святого Петра, казавшийся в ночи спящим гигантом.

Они направились к ватиканскому кварталу в районе Бельведера, итальянец горлопиво шагал впереди, а португалец шел за ним, еще не представляя, что такого могло произойти. Полицейский отдал честь высокому мужчине, ожидавшему их у Двери Ангелов. Одет он был более чем крикливо: какая-то мешанина из синих и желтых полос, как будто речь шла о штандарте, а не об одежде. И при этом еще черный берет на голове. Шут гороховый? В таком месте?

– *Professore* Норонья, – произнес, здороваясь, незнакомец в карнавальном наряде. – Следуйте, пожалуйста, за мной.

Несколько пришибленный головокружительными переменами, Томаш тихонько ругнул сам себя. Как он мог принять швейцарского гвардейца за шута? Спал что ли на ходу? Ведь этот костюм, показавшийся ему карнавальным, был придуман одним из величайших художников человечества – Микеланджело. Откуда эта дурь? Не иначе бессонницей наваяло!

– И куда мы идем?

– Туда, где вас ждут.

«Занятно, – подумал Томаш. – Вроде, как и ответили, но толком ничего не сказали».

– А этот костюм, – решил было поддеть собеседника португалец. – Вы всегда ходите так одетым?

Швейцарец бросил на него скучно-раздраженный взгляд.

– Никак нет, – сказал, как отрезал, гвардеец, и ясно было, что меньше всего он настроен обсуждать цветовые решения формы. – Когда меня срочно вызвали, мы репетировали парад у *Portone di Bronzo*¹.

Собеседник был явно не в духе, поэтому, пожав плечами, Томаш с покорным видом и уже молча следовал за швейцарским гвардейцем по ватиканским дворикам и переходам; только их шаги отдавались гулким эхом. Пройдя метров пятьдесят, они оказались на пяточке в окружении роскошной архитектуры Святого Престола; благодаря круглой башне, которую историк сразу узнал, он понял, что перед ними здание бывшего Банка *Амброзиано*, переданного теперь *Istituto per le Opere di Religione*². Затем они прошли пост ватиканской полиции – силовой структуры, отличной от швейцарской гвардии и скорее похожей на французскую жандармерию, и справа впереди увидели антеку.

– Нам сюда, – сказал гвардеец.

Он пропустил гостя в неприметную дверь, и, пройдя несколько ступенек, они вошли в застекленный вестибюль, напичканный системами безопасности. Впереди виднелся зал, уставленный полками с книгами. Охрана пропустила их внутрь, и, оглядев стеллажи, заполненные старинными фолиантами, Томаш сообразил, что это Апостольская библиотека Ватикана. Окна зала выходили на Бельведерский дворец, но любоваться было некогда: у входа в просторный Зал Льва стояли два швейцарских гвардейца, три *carabinieri*, два служителя церкви и несколько человек в штатском; говорили очень тихо, кто-то ходил туда-сюда, другие были в некоторой задумчивости.

---

¹ *Portone di Bronzo* – Бронзовые ворота Ватикана (итал.).

² *Istituto per le Opere di Religione* – более известен как Банк Ватикана (итал.).

Проводник передал Томаша в руки человеку в штатском, который повел его по Залу Льва до дальнего стола, где спиной к ним сидела женщина в строгом черно-сером костюме бюрократки и, похоже, изучала крупноформатный план здания.

– Инспектор, подозреваемый доставлен.

Подозреваемый?

Томаш хотел было обернуться и посмотреть, о ком это говорил его поводырь, но тут до него дошло, что подозреваемый – это он сам. Именно он. Слово, которым его окрестили, повергло его в ступор. Подозреваемый? В ЧЕМ подозреваемый? Что здесь происходит? Что бы это значило?

Госпожа инспектор повернулась, чтобы осмотреться, и историк испытал еще один шок, но на сей раз иного свойства. У инспектора были каштановые вьющиеся волосы до плеч, острый нос и голубые глаза удивительной глубины и прозрачности, как у Жаклин Биссет. Она была без макияжа, но казалась ему очаровательной.

– Что с вами? – спросила она, успев заметить его оторопь. – Что за лицо? Смотрите на меня, как будто перед вами дьявол!

– Нет, не дьявол, – возразил Томаш, стараясь взять себя в руки. – Ангел!

Госпожа инспектор цокнула языком.

– Счастье-то какое привалило! – воскликнула она, закатив глаза. – Я в лотерею выиграла галантного кавалера! Впрочем, это значит, что римляне оставили в Португалии достойное наследство!

Томаш покраснел и опустил глаза.

– Извините, был несдержан.

Итальянка вытащила из внутреннего кармана жакета визитную карточку и предъявила ее посетителю.

– Меня зовут Валентина Фэрро, – представилась она официальным тоном. – Я инспектор Следственного комитета Италии.

Посетитель улыбнулся.

– Томаш Норбонья, кавалер-ухажер. В свободное время подрабатываю еще профессором в Новом университете Лиссабона и консультантом в Фонде Гюльбенкяна. И за что же мне была оказана

честь быть приглашенным в столь экзотическое место и в столь малоприличное время?

На лице Валентины возникла недовольная гримаса.

– Вопросы здесь задаю я. Надеюсь, возражений нет, – осадила она его строго и вперила взгляд в собеседника, не моргая, как кошка, чтобы зафиксировать его реакцию на слова, которые собиралась произнести. – Вы случайно не знаете профессора Патрисию Эскалону?

Томаш не скрыл удивления.

– Патрисию? Конечно, знаю. Это моя коллега по Университету Сантьяго-де-Компостела. Очень симпатичный человек. Из Галисии. Знаете, что галисийцы и португальцы – народы-братья? – он посмотрел на итальянку с некоторым беспокойством. – А что? Что случилось? Почему вас интересует Патрисию? Что-то произошло?

Инспектор, сузив глаза, внимательнейшим образом изучала его лицо, пытаясь понять степень искренности ответной реакции. Какое-то время она молчала, взвешивая все за и против, прежде чем сделать следующий шаг.

Наконец, решилась.

– Профессор Эскалона умерла.

Сообщение прозвучало как неожиданная пощечина. Томаш вытарашил глаза и сделал шаг назад, как будто его качнуло от удара.

– Патрисию? Умерла? – какое-то мгновение он стоял, открыв рот, пытаясь переварить эту новость. – Но... но... этого не может быть! Это абсурд какой-то! Как же это... Что же случилось?

– Ее убили.

Новый удар.

– Что?

– Этой ночью.

– Но... но...

– Здесь, в Ватикане.

Оглушенный этим известием, Томаш сделал несколько нетвердых шагов и буквально рухнул на здоровенный стул, стоявший у стола с картой Ватикана.

– Патрисия? Умерла? Здесь? – он говорил отрывисто, размеренно покачивая головой, как будто пытался понять какую-то совершенно бессмысленную вещь. – Но... но... Кто? Зачем? Как? А что случилось?

Итальянка подошла неспешно к нему и провела рукой по плечу, выражая сочувствие.

– Теперь вы понимаете, почему я здесь, – сказала она. – Да и вы тоже.

– Я?

Валентина кашлянула, как случается, когда нужно обдумать вопрос.

– Знаете, при расследовании убийства человека, как правило, находится ключевая для установления истины фигура, – сказала она. – Это последний человек, с кем жертва встречалась или хотя бы разговаривала.

Томаш был все еще настолько ошарашен, что почти не реагировал на слова.

– Что-что?

– Дело в том, что мы получили распечатку разговоров, которые вела профессор Эскалона по мобильнику за два часа до смерти, – продолжила размеренно Валентина. – Догадайтесь, кто был последним ее собеседником?

Но как же могло такое случиться, что Патрисию убили? – этот вопрос безостановочно вертелся в голове Томаша. Это известие было настолько трудно воспринять, что он едва ли слышал, что ему говорили.

– Что-что?

Валентина глубоко вздохнула.

– Вы.

III

Холодком встретил Дублин одинокого пассажира, спускавшегося из только что приземлившегося роскошного самолета *Cessna Citation X*. Был уже третий час ночи, и аэропорт должен

был вот-вот закрыться на пару часов, так как этот рейс был последним за истекшую смену, а первый нового дня ожидался только в шесть.

У пассажира была с собой только ручная кладь – чиновничий кейс из черной кожи, который даже никто не досматривал, так как взлетал он с маленького аэродрома на специально зафрахтованном для него двухмоторном самолете-малютке. Незнакомец шел к выходу, ориентируясь по указателям, и был крайне недоволен, пробурчав что-то, когда его направили к таможене; он ведь перемещался в воздушном пространстве Евросоюза, и не было необходимости, полагал он, предъявлять документы. Впрочем, расстраиваться было ни к чему, так как ирландский таможенник лишь бросил сонный и безразличный взгляд на его паспорт.

– Прибыли откуда? – спросил он явно из любопытства, а не по служебной инструкции.

– Из Рима.

Ирландец, очевидно практикующий католик, меланхолично вздохнул, как человек, для которого поездка в Рим оставалась голубой мечтой. Он, наверное, завидовал только что прибывшему пассажиру, что совсем не помешало ему обозначить приветливую улыбку и показать жестом на выход.

В фойе терминала пассажир включил мобильник. Музыкальный сигнал дал понять, что аппарат ожил. Он набрал код доступа, и телефон принялся искать сеть. Процесс занял минуты две с лишним, и он, не теряя времени, снял деньги в банкомате, а мобильник между тем пристроился в какую-то ирландскую сеть, которая автоматически выдала серию добрых пожеланий и сообщила ему цены на *roaming*.

Не обратив внимания на эту бесполезную информацию, приезжий набрал по памяти международный номер и положил ответа. Через два гудка ответили.

– Ты уже на месте, Сика́риус?

Пассажир вышел из двери аэропорта и почувствовал неласковость атлантической ночи, хлеставшей его холодным ветром, нагло приникая к телу.

– Да, шеф – подтвердил он. – Приземлились пару минут тому.

– Полет прошел нормально?

– Чудесно. Спал, как младенец.

– Тебе бы надо отдохнуть. Я только что забронировал тебе номер в «Рэдиссоне» – там же, в аэропорту, и...

– Нет, я поеду дальше.

На другом конце невидимой линии наступила пауза, и Сикари-ус расслышал тяжелое дыхание шефа.

– Ты уверен? Работа в Риме сделана безукоризненно, но не хочу, чтобы ты шел на неоправданный риск. Дело ответственное, и ошибки тут недопустимы. Может, лучше было бы отдохнуть.

– Не хотел бы терять времени, – сказал твердо новоприбывший. – Ночью всегда спокойнее. Опять же, чем молниеноснее будет операция, тем меньше времени останется у противника на ответ.

Его телефонный собеседник вздохнул, побежденный, но не убежденный.

– Ну, ладно, – согласился он. – Раз ты так считаешь... – было слышно, как он зашепестел бумагами. – Я поговорю с одним человеком и перезвоню тебе.

– Я буду ждать, шеф.

И снова наступила пауза на другом конце.

– Будь осторожен.

И отключился.

IV

На полу под белой простыней лежало тело, видны были только ноги: одна – босая, вторая – в женской туфле со сломанным каблуком. Несколько человек, кто на корточках, с лупами, кто, нагнувшись, но все в белых перчатках, изучали пятна крови на полу, стараясь обнаружить хоть какую-то дополнительную информацию, что могла бы помочь представить, как и что здесь происходило. Особенно их интересовали такие улики, как волосы, капельки крови или отпечатки пальцев, которые могли бы иметь отношение к убийце.

Валентина присела на корточки рядом с телом и, обернувшись назад, посмотрела на подходившего с нескрываемым страхом Томаша.

– Вы готовы?

Историк соглотнул слюну и утвердительно кивнул. Инспектор Следственного комитета взяла уголок простыни и легким движением приоткрыла часть тела. Голова. Томаш узнал Патрисию, лицо которой уже покрывала мертвенная бледность, остекленевшие глаза навсегда замерли в состоянии ужаса, приоткрытые губы с языком, запавшим внутрь, и на шее плотное пятно засохшей темной крови.

– О, Господи! – воскликнул Томаш и, прикрыв рот ладонью, смотрел со страхом на труп испанской коллеги. – Ее... ее задушили?

Валентина кивнула головой и показала на пятно на шее.

– Правильнее было бы сказать – обезглавили, – поправила она историка. – Видите, зарезали, как ягненка? – Она едва не дотронулась пальцами до резаной раны на коже. – Взяли нож и...

– Бедняга! Какой ужас! Как же так можно? – он отвел взгляд, не желая больше смотреть туда. Казалось, смерть лишила его подругу всякого достоинства. – Кто же мог такое сделать?

Итальянка прикрыла лицо жертвы и медленно встала, не сводя глаз с историка.

– Именно это мы и пытаемся сейчас понять. И для этого нам нужна ваша помощь.

– Все, – воскликнул он чуть высокопарно, продолжая еще смотреть в сторону, туда. – Все, что вам будет нужно.

– Тогда начнем со звонка. Как так получилось, что ее последний звонок достался именно вам?

– Все очень просто, – сказал Томаш, посмотрев, наконец-то прямо в глаза Валентине; понимал, что вопрос был ключевым, так как именно это обстоятельство сделало его для них основным подозреваемым. – Я работаю здесь на реставрации Форума Траяна по просьбе Фонда Гюльбенкяна, я – их консультант. Патриция тоже иногда их консультирует... консультировала, и мы познакомились во время одной экспертизы, которую довелось делать вместе.

Она приехала в Рим этой ночью и, так как, по-видимому, знала, что я здесь, позвонила мне. Только и всего, больше ничего.

Инспектор провела рукой по подбородку, взвешивая только что услышанное.

– А как она узнала, что вы здесь, в Риме?

Историк задумался.

– Это... этого я не знаю.

Тут она перестала записывать в своем блокноте его показания и подняла глаза на подозреваемого.

– Как так не знаете?

– Не знаю, – повторил он. – Думаю, кто-то из фонда мог ей сказать...

– Вы понимаете, что мы будем это проверять?

Томаш выглядел абсолютно искренним.

– Как вам угодно, – ответил он, вытаскивая из кармана мобильник. – Если хотите, я сейчас же могу дать вам телефон инженера Витала из Лиссабона. Обычно он связывался что со мной, что с Патрицией. Томаш нажал пару кнопок. – Вот. 21...

– Потом дадите мне его телефон, – прервала историка Валентина, которую объяснение, очевидно, устроило, и она была занята уже другими вопросами, более важными на тот момент. – Она сказала вам, зачем сюда приехала?

– Нет. Мне даже показалось, что в этом была какая-то тайна.

– Тайна?

– Ну, да. Она не хотела говорить всего по телефону. И мы договорились пообедать завтра. Она наверняка рассказала бы мне все, – взгляд Томаша скользнул по богато отделанным полкам читального зала отдела рукописей. – Насколько я сейчас понимаю, она приехала, чтобы разузнать что-то в библиотеке Ватикана...

Валентина, казалось, уже не слушала его, внимательно читая фотокопии, полные каких-то каракулей и пометок на полях. Португалец присмотрелся к фотокопиям и с удивлением обнаружил, что там была его старая фотография. Это был его давний отчет.

– Как я понимаю, вы не только историк, но еще и криптоаналитик, и эксперт по древним языкам.

– Именно так.

Инспектор сделала два шага в сторону и показала на белый лист бумаги, лежавший на полу.

– Вы не могли бы сказать мне, что это?

Томаш подошел к итальянке и наклонился над листком.

– Как странно, – прошептал он. – Это не похоже ни на один из известных мне языков или алфавитов...

– Это точно?

Историк задержался еще на несколько секунд, изучая странные символы, пытаясь найти хоть какой-то след, что помог бы решить задачу, но в конце концов выпрямился.

– Абсолютно.

– Посмотрите внимательнее!

Томаш не сводил глаз с загадочной надписи. Один из знаков, последний, вызвал особый интерес, казался весьма отличным от прочих. Чтобы посмотреть на него под другим углом, он сделал несколько шагов и перевернул листок. Снова наклонился и задумался над шарадой. Через несколько мгновений его лицо озарила улыбка, и он поздравил инспектора.

– Вот, взгляните.

Валентина подошла к нему и, наклонившись над листком, тоже посмотрела на эту надпись в обратной перспективе.

– *Alma*? – прошептала она, не отводя глаз от надписи, но теперь в иной перспективе – сверху вниз.

– Что за чертовщина?

Историк наклонил голову.

– Как? – воскликнул он, указывая на слово. – Вы не знаете?

– По-итальянски *alma* – это *душа, дух*...

– Ну, и по-португальски – то же самое.